

* * *

Сорокой черной небо светит,
И листья перьями висят.
День пал, в руинах звезд остался,
В луну он ясную залез.

А я как лодка у причала,
Стою под звездами один,
И грусть меня пережевала
И превратила в горький лук.

Переживаю, жду начала,
Хочу я плыть куда-то вдаль,
Лететь хочу в сорочий космос,
Хочу на дно под воду лечь.

Я разделюсь, как лук, на части
И во все стороны пойду;
И всюду буду жить, и плача,
Я буду вспоминать себя.

* * *

На карты города
Пыльная жизнь легла.
И дым тянулся из труб,
Похожий на мысль
О том, что все это было когда-то
И повторится вновь,
Что все мы любили когда-то
И снова будет любовь.

Зачем воскрешает нас кто-то?
Зачем заставляет нас жить?
Зачем повторять эту руку
С гадальной ладонью опять?

Наверное, есть в этом тайна
И смысл есть ... И дворник с метлой,
Наверное, любит он тоже
Или любил и летал.

* * *

В час ночной за окошком
Диск луны золотой
Смотрит черною кошкой –
Одноглазой совой.

Та сова в темном фраке.
И блестит, как слюда,
Под луною во мраке
Стеклянной лампой вода.

И спускаются доски
Там, где светит вода,
Бегут мостками полосы,
Как провода.

* * *

В земле немало скрытых тайн великих,
В земле я видел, пил у черных звезд...
И слышал, что в подземных недрах диких
Немало есть с сокровищами гнезд.

Но словно дух в меня вошел мятежный,
Как в самолет, готовый полететь
От тех сокровищ в мир простой и нежный,
Устав в подвале рыцарем сидеть.

Он вдохновил, вдохнул в меня желанье
Лететь в тот мир, где светом полон дом.
И там не спят, но нет по сну страданья –
Там жизнь сама и есть прекрасный сон.

* * *

Деревня спит за печами и снегом,
и снится ей зеленый образ твой,
запорошенная небом
земля российская зимой.

Весною черные равнины
взрастут бесшумно и легко...

Сейчас же печи и камины
дымятся в стиле рококо.

На тюль похожие бураны
висят на улице давно,
и вьюг закрученных бараны
бодают мерзлое окно.

Деревня спит, дымится вечно,
и ждет она приход весны...
Над нею путь блистает Млечный
и дарит розовые сны.

* * *

Ус черемухи душистый,
черной ягодой расшитый,
дай тебя сорвать, пушистый,
положить в бидон открытый.

Луч ствола сияет свежим
ароматом листьев влажных.
Ус, сейчас тебя мы срежем
ради ягод этих важных.

И, вскричав древесным треском,
ты попал в мои ладони...
Отозвался вспышкой-блеском
крик твой в солнечной короне.

ШПАЛОЗАВОД

Через штакетник темнеются грядки,
а в синеве кто-то ниткой гудит.
Братья-разбойники, дети-ребятки,
в чиху играя, кидают гранит.

Солнце шалает в зените небесном,
воздух кипит от жары огневой,
только не слышится скрежет древесный,
всюду дымится обед деловой.

Честный заводик, ты делаешь шпалы
и доживаешь свой плотницкий век.
Ты их отец, но твои дочки-шпалы
не возвращаются, как человек.

И непонятно мне, как получилось,
что я пиит, а не ферзь боевой.
Детство мое все в боях проводилось,
ну а стихи не писал я стрелой.

Как получилось, что друг мой природный,
технику зная, моторы чинит,
чтобы машинный мотор непригодный
стал ему биткой, как в чике гранит.

Этот вопрос прокричал я светилу,
и мне ответило солнце-всесвет:
«Я — это лампа, завод есть рабсила».
Вот и закончился наш с ним обед...

Но хорошо, я тебя расшифрую,
этот ответ про меня и завод,
только потом не кромсай нить живую
и не кидайся в синь едущих вод.

Все проживет как мираж, как виденье,
миг — и исчезнет, и встанут часы
так же внезапно, как в час пробужденья
враз исчезают минутные сны.

И на слова, на дома и могилы
хлынет потоп бесшабашный и злой,
и со всей адскою страшною силой
будет вершить он свой суд роковой.

Суша исчезнет. Хрустальною гранью
станет вода шевелиться везде.
И, от потопа спасаяся, с бранью
кто-то помчится к далекой звезде.

Взлетят единицы... Нули же простые
своим миллиардом не смогут взлететь
и будут тонуть, словно силы густые
на дно их тянули скорей умереть.

Но вдруг поплывут по воде той глубокой
шпалы с разрушенных складов, даря
людям спасенье доскою под боком —
значит, завод наш работал не зря».

КНЯЗЬ ЮСУПОВ

«Цыц», сказали боссы шавке. –
Ты заморышем работать будешь
в этой нашей оголтелой лавке,
а зачем – ты это не рассудишь.

Чтобы все здесь было, как по маслу,
в королевстве нашем мы всеильны.
И запомни: здесь тебе не ясли,
и протри стол этот очень пыльный.

Ты протри, поставь тарелку супа
и налей вина в бокал холодный:
скоро сам великий князь Юсупов
к нам придет фигурой благородной.

Он хоть не князь Юсупов, но богатый
нувориш, торгующий часами,
любит суп чуть теплый и салаты
и смешно так шевелит усами.

Не перечь, прогнись, чтоб до упада
он смеялся над тобой весь вечер.
И тогда, быть может, он в награду
вдруг тебя ударит в грудь и плечи

и, заплакав, вытащит лопатник
и оставит столько много денег,
что на изумрудный хватит ватник
и жемчужный, с бриллиантом, веник.